

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ

Философское измерение

«МОРАЛЬ БРОНЗЫ» И «МОРАЛЬ СТАЛИ». ЗАГАДКА ОСЕВОЙ РЕВОЛЮЦИИ*

А.П. НАЗАРЕТЯН

В курсах истории философии справедливо утверждается, что *осевое время* — эпоха первых систематических философских учений, которые появились независимо в далеких друг от друга регионах цивилизационной ойкумены. Но преподаватели обычно затрудняются с ответом на вопрос: почему они возникли одновременно и именно в эту эпоху? Назвав это обстоятельство «загадкой одновременности», К. Ясперс возложил ее разрешение на историков будущих поколений.

Данные, накопленные за последние десятилетия, позволяют предметно обсуждать причины комплексного духовного переворота в контексте общеисторических тенденций и предпосылок. При этом мы опираемся на новейшие модели культурной антропологии и исторической социологии, подробно представленные в книге «Антропология насилия и культура самоорганизации»¹.

С образованием древнейших городов-государств в известной мере были ограничены племенной эгоизм, нетерпимость, созданы первые правовые документы и обеспечено мирное сосуществование полиэтнических сообществ. Но мир внутри социума сочетался с отчетливой внешней враждебностью, что фиксируется и в лексическом строе языка. «Еще в Вавилонии начала II тысячелетия до н.э., — пишет историк И.М. Дьяконов, — не было выражения “чужая страна”, “заграница”, а было выражение “вражеская страна” —

даже в письмах купцов-мореходов, плававших за границу со вполне мирными целями». По-прежнему, как и в первобытную эпоху, «все человечество находилось в состоянии непрерывного, чаще всего вооруженного противостояния между социумами»².

В Послесловии к фундаментальной коллективной монографии о древних цивилизациях ее ответственный редактор академик Г.М. Бонгард-Левин так характеризовал психологическую специфику эпохи: «Жестокость еще не нуждается ни в обосновании средствами фанатизма, ни в прикрытии средствами лицемерия; в отношении к рабу или к чужаку, к тому, кто стоит вне общины, она практикуется и принимается как нечто само собой разумеющееся». Автор дополнил эту мысль еще одной важной деталью: «Да, древние цивилизации были основаны на исключении чужака и презрении к неполноправному, презрении откровенном и спокойном, не прикрытом лицемерием, не смягченном оговорками. Да, выразившееся в них архаическое мировоззрение... вначале просто не знало того, что мы называем личностным. Все это — правда, но лишь одна сторона правды»³. Другая ее сторона в том, что древность завершилась массовым духовным брожением, изменившим облик мировой культуры. Эта переломная эпоха и названа *осевым временем*.

Немецкий врач, психолог, философ и историк К. Ясперс обратил внимание на то, что середина I тысячелетия до н.э. ознаменована удивительно синхронными процессами на всей ойкумене передовых обществ — от Иудеи и Греции до Индии и Китая. Великие пророки, мудрецы, политики и полководцы жили на расстоянии в тысячи километров, говорили на разных языках и часто не подозревали о существовании друг друга. Но результатом их загадочным образом согласованной духовной работы стало появление «человека такого типа, который сохранился и по сей день»⁴.

Когда говорят, что за те несколько веков люди впервые познакомились с понятиями добра и зла, что только тогда сформировались такие культурные явления, как мораль, совесть, личность и индивидуальная ответственность, — все это не художественные гиперболы. Переворот осевого вре-

мени «вывел человека из “утробного”, доличностного состояния»⁵. Его лейтмотивом стало образование человеческой индивидуальности, а потому феноменологическое представление этой удивительной эпохи (которым мы предварим анализ ее исторических предпосылок) удобнее всего связать с ключевыми персонажами.

...Историки пока не могут определить даже с точностью до века даты жизни Заратуштры, не всегда соглашались между собой по поводу его этнического происхождения. Допускают и то, что это вообще не реальный человек, а собирательный образ, объединяющий целую плеяду мыслителей, хотя такое предположение вроде бы не подтверждено сравнительным анализом текстов⁶. Если все же Заратуштра — реальная личность, жившая в Иране между X и VII веками до н.э., то следует признать его одним из величайших гениев в истории человечества. Он впервые поставил столько узловых вопросов бытия и предложил столько оригинальных ответов, что понятны сомнения историков в единоличном авторстве.

До Заратуштры не существовало в явном виде представлений о Добре и Зле как вселенских началах, о борьбе между ними и перспективе окончательной победы Добра над Злом⁷, о способности каждого человека различать доброе и злое и необходимости активно участвовать в утверждении нравственных идеалов, о свободе индивидуального выбора и ответственности за свой выбор. Исследователи отмечают, что впервые в лице Заратуштры человек дорос до критического отношения к сложившимся традициям, и им был сделан шаг от всевластия внеличных мифологических форм мышления к мышлению личностному.

От Заратуштры ведет начало отчетливое представление об универсальных антиподах — Боге и Дьяволе, — образы рая, ада и даже чистилища (в виде узкого моста над пропастью, по которому способна пройти, не сорвавшись, только праведная душа). От его ближайших сподвижников, не дождавшихся наступления Божьего царства при жизни Учителя, — образы Второго Пришествия и Страшного Суда, и даже Матери-девы, от которой через три тысячи лет после ухода Отца должен родиться Сын Заратуштры...

Предполагается, что иудеи познакомились с зороастризмом в VI веке до н.э., во время «вавилонского пленения», и соприкасались с ним, живя в составе Ахеменидской империи. Но иудаизм смог впитать идеи Заратуштры, став передаточной инстанцией к христианству и исламу, благодаря тому, что в его собственных рамках еще начиная с VIII века до н.э. проповедовали пророки, чьи искания во многом резонировали с мировоззрением великого иранца.

Правда, в самом Иране идеи Заратуштры не скоро получили широкое признание. Но, опять-таки, более или менее независимо от них в стране складывались тенденции, созвучные новому образу мышления.

Основатель Ахеменидской державы Кир II либо вовсе не был знаком с зороастризмом, либо обратил на него внимание лишь в конце жизни. Тем не менее, он, как никто из современников, понял важность идеологии для эффективного управления империей. В отличие от правителей старой формации, делавших ставку на силу и страх, он объявил себя покровителем всех существующих конфессий и даже материально поддерживал различные религиозные общины. Но еще показательнее некоторые штрихи его внешнеполитической деятельности.

Кир Великий, как всякий уважающий себя император, не был чужд захватнических амбиций. Однако он стал едва ли не первым политиком, обнаружившим, что возможно сэкономить силы, необходимые для достижения военной победы и удержания власти над покоренными, если переориентировать потенциальных противников на добровольное сотрудничество с завоевателями. Иначе говоря, он изобрел... политическую демагогию! И апробировал новую идею на практике. Захватив Вавилон в 539 г. до н.э., Кир II обратился к местному населению с Манифестом, гласящим, что персидские войска пришли для защиты вавилонян и их богов от их же собственного царя Набонида (разведка донесла, что у того нелады со жрецами). Известный востоковед Э.О. Берзин утверждал, что это и есть самый ранний в истории человечества пример «политической демагогии в международном масштабе»⁸.

Слово «изобретение» в сочетании со словом «демагогия» может показаться насмешкой. Но давайте по достоин-

ству оценим, что произошло. Еще в неолите люди переросли стремление поголовно истреблять побежденное племя, научившись с выгодой использовать чужой труд. Тем не менее, даже в городских культурах кровопролитность сражения служила признаком боевого мастерства и предметом похвалы. Военнопленных после боя, как правило, убивали, а средства управления покоренными инородцами сводились в основном к физическому насилию, угрозам, унижениям и надругательству над идолами: статуи местных богов демонстративно уничтожали или «увозили в плен», погружив в колесницу, и т.д. Теперь найдены альтернативные способы контроля в форме убеждения, внушения, подтверждения самооценки, посулов — всего того, что психолог назвал бы «когнитивной техникой снижения агрессии», — и это факт значения эпохального.

По-настоящему важно то, что Вавилонский Манифест не был изолированным событием мировой истории. Он стал политическим знаменем наступающей эпохи, ярким свидетельством того, что сдвиг в мировоззрении великих мыслителей воплощается в новую практику политических отношений.

В VI — V веках до н.э. в Индии формировалось религиозно-философское учение принца Синддхартха Гаутамы, получившего впоследствии имя Будды, — учение, построенное на идее родственности всего живого, апеллирующее к чувству жалости и выдвинувшее в качестве идеала абсолютное ненасилие (*ахинса*). В отличие от зороастризма в Иране, буддизм сравнительно быстро распространился по пространству индийской культуры. Около двухсот лет спустя его принял грозный император Ашока из династии Мауриев, что также стало событием значимым не только для Индии.

До принятия новой веры Ашока успешно продолжал завоевательную политику отца и деда. Он жестоко покорил вольную страну Калингу на юге Индии, в результате чего «сто пятьдесят тысяч человек было угнано оттуда, сто тысяч было убито на месте и гораздо более того умерло»⁹. Не станем чересчур доверять числам, ибо, как писал средневековый математик Аль-Бируни, специально изучавший ис-

торию Индии, индийские летописцы и мыслители, охотно оперируя большими числами, не любили и плохо умели считать¹⁰ (так что «сто тысяч» значит просто «очень много», «тьма тьмушая»). Гораздо важнее то, что написано далее. «Такая скорбь охватила Угодного Богом оттого, что покорил он жителей Калинги. “Ведь покорить /никому/ не подчиненную /землю/ — это убийство, смерть или угон людей” — вот мысль, которая сильно печалит Угодного Богом. И если кто причинил вред, Угодный Богом считает, что надо прощать, насколько простить возможно»¹¹.

Вот это уже подлинная историческая сенсация: завоеватель скорбит по поводу убитых врагов! Есть основания думать, что раскаяние Угодного Богом искренне. Но если даже это не так и перед нами всего лишь политическая риторика, то тем красноречивее она свидетельствует о решительном перевороте в ценностных ориентациях. Для сравнения приведу характерные сообщения императоров и их летописцев из предыдущей эпохи.

«...После того как его величество перебил соседние азиатские племена, он поплыл вверх по Нилу в Северный Куш с целью истребить кушитских кочевников. И его величество произвел среди них страшное опустошение...».

«Вот его величество /был/ на пути береговом, чтобы уничтожить город Аркату вместе с городами, что /в его области/. /Достигли города/ Кана. Был уничтожен город этот вместе с областью его. Достигли Тунипа. Был уничтожен город...»

«Воинов города Харимме, коварного супостата, оружием я побил, никого не оставил, трупы их на кольях я развесил, вокруг города велел поставить <...> Вражеское войско стрелами и дротиками я преуменьшил и все тела их пронзил, словно решето. Я заставил их кровь течь по обширной земле, словно воды половодья в сезон дождей. Словно жертвенным баранам, перерезал я им горло, дорогие /им/ жизни их я обрезал, как нить... Колеса моей боевой колесницы, ниспровергающей скверного и злого, разбрызгивали кровь и нечистоты. Трупам бойцов их, словно травой, наполнил я землю. Я отрезал им бороды и тем обесчестил, я отрубил им руки, словно зрелые плоды огурцов... Для преследования их я направил за ними свои колесницы и кон-

ницу. Беглецов их, которые ради жизни ушли, там, где настаивали, сражали оружием...»

«...Страну я разорил, города сжег, 3270 человек, одних я умертвил, других живыми увел... Для бога Халди я эти подвиги за один год совершил...»¹².

Все это доносится богам с нескрываемой гордостью, без тени сомнения в том, что адресаты останутся довольны. Я умышленно не называю ни имен, ни этнической принадлежности авторов этих текстов. Во-первых, потому, что поддержки взяты почти наугад и, полистав цитированную Хрестоматию, можно найти подобные хвастливые заявления во множестве. Во-вторых, потому, что вульгарно было бы объяснять отличие в мировоззрении и поведении Ашоки его индивидуальными или национальными особенностями. Среди прямых предшественников индийского императора были свирепые тираны, да и сам он, прежде чем «опечалиться», успел угробить пресловутые «сто тысяч» врагов. Но этому славному царю посчастливилось прорасти в новую историческую эпоху, где количество уничтоженных людей перестало считаться безусловной доблестью полководца и тем более политика.

Одновременно с индийцем Гаутамой в Китае жил и творил еще один великий мыслитель Кун-Фу-цзы (Конфуций), создавший оригинальную философско-этическую доктрину, стержень которой составляет концепция Жень: «Чего не хочешь себе, того не делай и другим». Сам Конфуций был убежден, что эта идея доступна только благородным мужам, тогда как простолюдину качество Жень (гуманность, человеколюбие) не свойственно. Но спустя два столетия Мэн-цзы выдвинул тезис об имманентной доброте человеческой природы и, вместе с другими последователями Учителя, продолжал разрабатывать принципы «гуманного правления» в противовес «правлению с использованием силы».

Ученикам Конфуция противостояли мощные оппоненты, проповедовавшие культ силы, прославление войны, приоритет кнута в социальном управлении (Мо-цзы, Шан Ян). Тем не менее, конфуцианство оказало чрезвычайно глубокое и устойчивое влияние на культуру и историю Китая, и с ним

также сопряжено переосмысление целей, средств и методов ведения войны.

Размышления китайских полководцев и политиков той эпохи содержат указания на решающую роль информационного обеспечения, стратегического и оперативного ума по сравнению с числом бойцов и мечей. «Если знаешь его /врага/ и знаешь себя, сражайся хоть сто раз, опасности не будет; если знаешь себя, а его не знаешь, один раз победишь, другой раз потерпишь поражение; если не знаешь ни себя, ни его, каждый раз, когда будешь сражаться, будешь терпеть поражение». Вместе с тем: «Сто раз сразиться и сто раз победить — это не лучшее из лучшего; лучшее из лучшего — покорить чужую армию, не сражаясь»¹³.

Эти тезисы из трактата, написанного в V веке до н.э., демонстрируют два обстоятельства. С одной стороны, существенно изменилось соотношение энергетических и информационных факторов: возросшая роль информаторов — шпионов и пропагандистов — позволила меньшими энергетическими затратами достигать значимого результата. С другой стороны, заметно сместились ценностные ориентации: вместо физического уничтожения мерилom успеха стало психологическое подчинение противника...

И все же, вероятно, тем регионом, где наиболее отчетливо «покой полярностей сменяется беспокойством противоречий и антиномий» (Ясперс), стала Греция. Начнем с неожиданного. Греческие философы, софисты и киники, с беспощадной последовательностью подвергли разрушительной критике традиционные ценности и нормы — от справедливости, морали и дисциплины до элементарных правил приличия и даже гигиены. Увлечшись рациональным анализом, они создали самые первые в человеческой истории концепции имморализма.

Развенчание человеческих законов строилось на противопоставлении им законов естества. При этом одни (Калликл) утверждали, что право, мораль, справедливость — это заговор слабых против сильных, ибо запреты, сковывая одаренного и смелого, подчиняют его интересам бескрылого большинства. Другие (Фрасимах, Антифонт) доказывали, что это, напротив, заговор сильных против слабых, ибо хитрые и

могущественные манипулируют простодушным большинством, которое, в силу моральных предрассудков, вынуждено заботиться о чужих интересах как о своих собственных.

Что-то до боли знакомое угадывается в этих аргументах. Действительно, обе версии имморализма сохранили притягательность и спустя тысячелетия. В терминах Нового времени первую я бы назвал «садо-ницшеанской»: маркиз Ф. де Сад, Ф. Ницше и их многочисленные эпигоны призывали презреть человеческие законы, противоречащие естественным законам желания и силы, объявляли мораль продуктом дегенерации, средством обуздания сильной индивидуальности, мирное сосуществование — болезненным состоянием общества, ибо оно противно дикой природе. Тогда вторую логично обозначить как «робеспьеровско-ленинскую», поскольку большевики, творчески освоив опыт якобинцев, объявили лживые буржуазные мораль и право орудиями классового угнетения, противопоставив им пролетарскую мораль и революционную законность.

Но, разумеется, историческая роль киников и софистов не сводится к функции идейных прапрадедов А. Гитлера и И.В. Сталина. Две с половиной тысячи лет назад работа их ума была смелой, трудной и очистительной. Сомнение и критика составляют совершенно необходимую предпосылку рационального понимания и доказательства, первыми подлинными ценителями которых стали греки. Критически отнесясь к безусловным традиционным установлениям, философы положили конец всевластию мифологического мышления, открыли невиданный прежде простор для свободного выбора, индивидуальной ответственности и всего того, что называют мышлением личностным или *критическим*.

В этом смысле можно сказать, что греческие мыслители V века сделали решающий шаг к открытию человеческой личности. Над человеком не довлеют никакие абсолюты, учили софисты. Каждый индивид самодостаточен, он есть центр и причина мира, который только в его ощущениях обретает бытие. Научившись сомневаться, человек сам становится мерой всех вещей; вырвавшись из-под гнета внешних условностей, он обретает подлинную свободу...

Но если нет никаких абсолютов, то все дозволено — именно тогда и зазвучал впервые этот «достоевский» мотив. Поступок может быть добрым или дурным, если у субъекта имеется выбор, и в этом смысле почти невозможно морально оценивать действия людей в «доосевых» культурах. Но если с обретением выбора человек теряет Абсолют, то добро и зло опять неразличимы, только теперь уже это переживается как *проблема*. Индивид оказывается нравственно дезориентированным, психологически фрустрированным, поведенчески непредсказуемым, а общество — нежизнеспособным.

Задаче вернуть людям Абсолют, но уже прошедший испытание скепсисом, посвящено творчество активного оппонента софистов — Сократа. В поисках нового Абсолюта величайший рационалист античности обратился к категории, особенно близкой духу греческой культуры — категории Знания.

Сократ заявил о тождестве знания и добродетели, и это смелое суждение уже две с половиной тысячи лет не перестает беречь философскую мысль. Кому не известно, что человек, зная, что такое хорошо и что такое плохо, способен поступать вопреки требованиям морали. Например, под влиянием вожделения, страха, ради непосредственной выгоды и просто «из вредности». Неужели этого не замечал мудрец, сделавший ядром своего учения дельфийскую заповедь «Познай самого себя»? Но Сократ настойчиво доказывает: нет ничего сильнее знания, именно оно, а не страсть, управляет человеком; ни один человек не совершает зла сознательно, а кто ошибается в выборе между добром и злом, делает это «по недостатку знания». Ибо каждый хочет быть счастливым и неизменно соизмеряет ближайшее удовольствие или страдание от поступка с последующими удовольствиями и страданиями.

Невежда, подвергаясь соблазну сиюминутной выгоды, неспособен предвосхитить отсроченную расплату, что и служит причиной всех пороков. Поэтому плебеям необходимы закон и контроль, навязанные извне — иначе их поведение станет разрушительным для общества. Тому же, у кого есть разум, не нужен внешний закон. Знание о себе и мире, приближая человека к божественной мудрости, позволяет пред-

видеть бедственные последствия сиюминутно выгодных действий.

Рассуждения Сократа, особенно в версии Ксенофонта, — могут показаться раздражающе рационалистичными. Сведение всей душевной жизни к умственным операциям способно вызвать протест, даже со скидкой на особенности древнегреческого языка и на неизбежный произвол интерпретаторов¹⁴. Сократовский рационализм активно критиковали еще философы античности, подчас ослабляя его идею до откровенных банальностей, вроде того, что разум «также» влияет на моральное содержание поступков.

Прозрения греческого рационализма заслуживают отдельного обсуждения¹⁵. Здесь же обратим внимание на самую замечательную из исторических заслуг Сократа.

Как-то в сборнике академических работ об античной культуре мне бросилась в глаза статья известного ученого В.Н. Ярхо с неожиданно игривым названием: «Была ли у древних греков совесть?». Автор подробно обосновывал суждение, которое я и прежде слышал от историков культуры, но полагал едва ли не шуткой. А именно — что раньше V века до н.э. человечество не ведало «феномена совести» и что с той эпохи, а точнее, от Сократа ведет истоки этот интимный фактор морального выбора¹⁶.

В.Н. Ярхо обращает внимание на то, что герои Гомера, Софокла, даже Эсхила и Еврипида говорили о страхе, стыде и позоре, но переживали по поводу своих недостойных поступков лишь в связи с неизбежным разоблачением. Их моральные резоны насквозь мифологичны и зациклены на каре всеведущих богов. Исключительно к богобоязни апеллировали ораторы и моралисты, предостерегая от дурных дел: что можно утаить от людей, не сокроешь от богов, возмездие которых неотвратимо. Оно последует, даже если сам ты не подозреваешь о собственных грехах — ведь не ведал, например, Эдип о том, что убивает родного отца и женится на матери, но это обстоятельство ничуть не умерило карающий гнев богов, которые сами же все спланировали и подстроили в назидание другим.

Углубляясь далее в историю и этнографию, мы везде обнаружим аналогичное отношение. Исследователи мифов

отмечают, что они на первый взгляд «как будто лишены нравоучительного характера, но на самом деле их задача — дать во всех деталях образцы для поведения социального индивида»¹⁷. Удалось вычленить простую схему, по которой строится назидательная программа всякого мифа: «если — то — иначе», т.е. задан жесткий алгоритм поведения, нарушение которого повлечет гарантированное возмездие¹⁸. Мифологически мыслящему человеку неведома «роскошь человеческого одиночества», он, подобно маленькому ребенку, постоянно ощущает себя объектом наблюдения, а все внешние события воспринимает как вызванные чьей-то интенцией. Поэтому в его внутреннем мире нет места интимным механизмам раскаяния и самоосуждения, эту нишу плотно занимает страх перед метафизической карой.

У Сократа — радикальный переворот в рассуждениях. Его божество бессубъектно, лишено имени, индивидуальности и собственной воли, а потому не может быть речи о трансцендентальном источнике поощрений и наказаний. Божество есть абсолютное Знание, Мудрость, которая смертному недоступна — человек способен быть только любителем мудрости, любомудром, философом. Но в мышлении философа божество представлено своеобразным агентом — *Даймоном*, — отвращающим от злых, то есть, по большому счету, всегда вредных деяний и тем самым нацеливающим на деяния добрые, то есть, в конечном счете, полезные. От оглядки на внешних судей к ответственности перед собственным разумом, от богобоязни к совести — это был величайший прорыв, признак того, что психическое бытие индивида достигло небывалого уровня сложности и самодостаточности.

Симптомы прорыва обнаруживаются во всех сферах социальной жизни. В VI — V веках до н.э. в Греции появились первые люди, способные читать и понимать тексты «про себя», без посредства звуковой речи¹⁹. Событием мировой литературы стала трагедия Эсхила «Персы», где впервые военная победа своей стороны (греков) исследована глазами врагов. Такая «децентрация» образа, способность к произвольной смене умственной позиции свидетельствует о новом качестве рефлексивного мышления и эмоционального переживания (распространение сочувствия; позже

римлянин Сенека заговорит и о рабах как «собратях по человечеству»). Человек со столь объемным и динамичным интеллектом «может теперь внутренне противопоставить себя всему миру. Он открыл в себе истоки, позволяющие ему возвыситься над миром и над самим собой»²⁰.

Итак, несколько веков изменили до неузнаваемости облик человеческой культуры, систему ценностных ориентаций, весь строй мышления и поведения. Вернувшись на два века назад, отметим, что не случайно столь близкие понятия, как греческий «Даймон» и китайский «Жень», одновременно образовались на противоположных полюсах цивилизационной ойкумены. Сократ и Конфуций, наименее религиозные из древних пророков, признав Небо как источник Абсолюта, Знания и Совершенства, деперсонифицировали божество, лишили его субъектности, а соответственно и карательных функций. И с этой концептуальной высоты открылась неведомая дотоле инстанция нравственного самоконтроля.

Полторы тысячи лет спустя арабские философы-зиндики (безбожники) и дахриты (материалисты) глубоко изучали ту же проблему: что побуждает человека, не верящего в божьи кары и награды, творить добро и избегать зла? Они обозначили эту внутреннюю силу, особое свойство высоко развитого ума, словом *Инсанийя* — человечность²¹.

Избегая спора о словах, обратим внимание на существенное обстоятельство. У древних греков и китайцев, средневековых арабов и европейцев Нового времени наблюдаются сходные зависимости: по мере того как ослабевает вера в антропоморфных богов, появляется понятие, объясняющее нравственную мотивацию не-богобоязненной личности. В этом смысловом поле и располагается значение современного русского слова «совесть», а также его эквивалентов в иных языках²². Понимаемая таким образом Совесть и Божий Страх — несоприкасаемые субстанции. Только в сознании, очищенном от «химически агрессивного» вещества Страха, освобождается пространство для эликсира Совесть, и только Личность, не скованная опасением внешнего возмездия, способна выработать интимное средство самоконтроля...

Осевая революция положила начало критическому мышлению. Критика рождает новый ранг рефлексии, а с ней способность различать добро и зло, отличать себя от социальной роли. Отсюда ведут историческую родословную личность, индивидуальная ответственность, моральный выбор и, потенциально, — совесть. А неизбежная плата за небывалую когнитивную сложность — раздвоенность, внутренние противоречия, колебания, переживания, новые неврозы, острая потребность в «рационализации» жестокости и прочих защитных механизмах.

Впрочем, мы должны ясно понимать: то, что весь этот комплекс культурно-психологических феноменов был исторически востребован осевым временем, не означает тотальной неспособности людей к моральным колебаниям или критическому отношению в прежние эпохи. Сам Ясперс упоминал о «поразительных по своей глубине, но не оказавших серьезного влияния свидетельствах» пробуждающегося самосознания. Таковые обнаруживаются в Древнем Египте («Разговор утомленного жизнью со своей душой»), в вавилонских покаянных псалмах и в шумерском эпосе о Гильгамеше. Наблюдения над первобытными племенами также обнаруживают подчас удивительные факты²³.

Значит, главный вопрос в том, почему именно теперь человеческие качества, прежде остававшиеся на периферии культуры, оказались исторически востребованными, да к тому же сразу и везде — то, что Ясперс назвал это *загадкой одновременности* осевого времени, разгадать которую предложил грядущему поколению историков; но и они признают вопрос «недостаточно объясненным»²⁴. Массовое прозрение людей, рассредоточенных на миллионах квадратных километров, в очередной раз вызывает мысль об инопланетном вмешательстве или божественном промысле, но тогда к ней придется прибегать по поводу каждого революционного скачка в истории и предыстории общества (а равно и природы). По ироническому замечанию Ясперса, такое концептуальное решение «было бы не только *salto mortale* из сферы познания в сферу видимости познания, но и непозволительной навязчивостью по отношению к божеству»²⁵.

Синхронность осевого переворота — одна из исторических загадок, в решении которой существенную помощь способна оказать синергетическая модель²⁶. Коротко говоря, модель ориентирует на то, чтобы у истоков качественных скачков в развитии искать соразмерный по масштабу кризис эндо-экзогенного происхождения, т.е. снижение устойчивости неравновесной системы (природы или общества), спровоцированное ее собственной активностью. Эффективные ранее антиэнтропийные механизмы на новом этапе оборачиваются своей противоположностью — опасностью катастрофического роста энтропии (*принцип эволюционной дисфункционализации*), — так что для сохранения системы требуются новые, более гибкие и «щадающие» механизмы.

В социальной истории решающую роль при этом играла зависимость между технологическим потенциалом, качеством регуляторных механизмов и жизнеспособностью — *закон техно-гуманитарного баланса*: чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенная культура саморегуляции необходима для поддержания внутренней устойчивости социума. Рост инструментальных возможностей влечет за собой всплеск экологической и/или геополитической агрессии, которая сопровождается эйфорическим ощущением вседозволенности и безнаказанности (*синдром Предкризисного человека*); в итоге общество подрывает основы своего существования и чаще всего гибнет под обломками собственного декомпенсированного могущества.

Но в ряде исторических эпизодов, когда антропогенный кризис охватывал обширный географический регион с высоким уровнем культурного разнообразия, его обитателям удавалось найти кардинальный выход из эволюционного тупика. Это каждый раз обеспечивалось комплексными преобразованиями в мышлении, в культурных ценностях и социальной организации. Осевого переворот стал одним из нескольких характерных эпизодов такого рода, наряду с неолитической революцией, революцией городов и т.д.

Действительно, анализируя исторические обстоятельства в соответствии с данной матрицей, мы обнаруживаем, что ход событий вплотную подвел лидирующие общества к

бифуркационной фазе, когда остро встал вопрос об их дальнейшем существовании. Этому предшествовали характерные процессы в области технологии и, соответственно, демографии.

Бронзовые орудия и развитые ирригационные системы стимулировали рост населения и тяжелый аграрный кризис, «охвативший в XIV — XII веках до н.э. всю область цивилизованных стран бронзового века на Переднем Востоке и в Греции, а также обширнейшую периферию, прилегающую к этим странам. Население здесь продолжало расти, а все земли, годившиеся для возделывания при тогдашней технике, были уже освоены. Технология бронзового века исчерпала тут свои возможности. Великие державы Переднего Востока, Вавилония, Ассирия, Хеттское царство и Египет, так же как и Микенское государство в Греции, одна за другой стали распадаться и приходить в упадок»²⁷. В XII — XI веках до н.э. на Ближнем Востоке, в Закавказье и Восточном Средиземноморье начало распространяться массовое и дешевое производство железа, что решающим образом повысило, прежде всего, качество боевого оружия.

Бронзовое оружие было дорогим, хрупким и тяжелым. Войны велись небольшими профессиональными армиями, состоявшими из физически очень сильных мужчин; подготовка и вооружение таких армий были делом весьма дорогостоящим. Найти адекватную замену погибшему воину было трудно, поэтому своих берегли, а врагов в бою стремились истребить как можно больше. Пленных убивали, в рабство уводили женщин и детей, а повиновение покоренного населения достигалось методами террора.

Стальное оружие значительно дешевле, прочнее и легче бронзового, что позволило вооружить все мужское население; место профессиональных армий заняли своего рода «народные ополчения». Сочетание же новой технологии с прежними военно-политическими ценностями сделало вооруженные конфликты раннего железного века необычайно кровопролитными²⁸. Эта беда коснулась в равной мере всех регионов распространения железа, от Ближнего Востока до Китая. «Войны стали постоянным явлением, они

отличались упорством и особой жестокостью. Речь идет уже не о прежних колесничных сражениях знати, своего рода аристократических турнирах, — теперь в бой вступают массы воинов пеших и конных, вооруженных железными мечами, луками и дальнобойными арбалетами»²⁹.

Культурные и психологические средства ограничения агрессии оставались ориентированными на бронзовое оружие и маленькие профессиональные армии, а к смертоносной стали и массовой бойне были неприспособлены. Сталь, грозившая катастрофической убылью мужского населения, настоятельно требовала иной морали, нежели бронза, и наложение стального оружия на «бронзовую» систему ценностей делало проблематичным дальнейшее существование передовых государств. События могли развиваться, в конечном счете, по одному из двух сценариев. Либо культура находила радикальный ответ на вызов эволюции, либо должен был произойти цивилизационный обвал — как минимум, быстрое сокращение населения и возвращение в каменный век.

В таком контексте осевая революция более не выглядит чудом. Подстройка культурно-психологической регуляции к новым инструментальным возможностям стала альтернативой депопуляции и саморазрушению передовых обществ на всей цивилизационной ойкумене — и, даже при сравнительно слабой коммуникации между регионами, почти везде (исключение, по ряду причин, составила Тропическая Африка) реакция оказалась адекватной.

Глубинный сдвиг в сознании людей осевого времени изменил психологическое содержание политических действий. «Цари Вавилонии и Ассирии бесхитростно хвалились тем, что ведут завоевательные походы и наводят на соседей ужас; но римская пропаганда уже пыталась убедить своих и чужих, что Рим завоевал полмира в порядке законной и вынужденной самозащиты от агрессивных соседей, а удерживает власть над завоеванными землями для блага других народов»³⁰. После осевой революции жестокость в межэтнических или сословных отношениях сделалась, так сказать, более «застенчивой», она теперь нуждалась в идеологических самооправданиях, рационализациях и демагогическом

сопровождении — и уже это служило сдерживающим фактором. Смягчалось отношение не только к внешним противникам, но и к рабам³¹.

Со становлением личностного начала формировались элементы гражданского права (что особенно явно представлено в эллинистическом мире), совершенствовались приемы убеждения. Рефлексия над этими приемами породила в Греции формальную логику и математику как науку о доказательстве. Риторика, демагогия, убеждение потеснили силовые методы политического действия, террор и угрозы, а также коммуникативные воздействия с преобладанием авторитарных и иррациональных механизмов — внушение, заражение.

Есть еще один вопрос, которого здесь невозможно избежать и который касается так называемых *мировых религий*. Особенно тех, что возникли в ближневосточном регионе на закате осевой революции и в известном смысле стали ее продолжением. Вопрос в том, несли они «прогрессивные» или «регрессивные» изменения в систему культурной регуляции, не допускает однозначного ответа.

Исторически очевидно, что с победой христианства и ислама «эпоха терпимости полностью уходит в прошлое»³². Фанатизм и злобное отношение к иноверцам в раннем Средневековье отражают регресс нравственных ценностей в учениях пророков Иисуса Христа и Мухаммеда по сравнению с великими моралистами Ближнего Востока, Греции, Индии и Китая в апогее осевого времени.

Разрушение храмов («языческих капищ»), избивание камнями статуй, нападения агрессивной толпы на философов — все это приняло массовый характер в раннехристианскую эпоху³³. Греки называли христиан словом «атеой» (безбожник) не только потому, что те игнорировали Пантеон, но и потому, что происходила частичная реанимация первобытных схем мышления и поведения. Моральные нормы, рожденные критическим мышлением, опять деградировали в догмы, зиждущиеся исключительно на авторитете и страхе, а «военный фанатизм христианских и исламских завоеваний, вероятно, не имел прецедентов со времени образования... государств»³⁴.

Но мы подчеркиваем, что реанимация была «частичной» постольку, поскольку именно фанатизм, не характерный для прежних эпох, составил психологическую особенность социальной агрессии в «послеосевых» культурах. Потребность в идеологических подпорках для фанатической ненависти возникает там, где действует потенциально «раздвоенная» личность, способная испытывать сомнения и жалость к жертве, которые необходимо в себе преодолеть.

Например, в классической древности было принято убивать всех пленных воинов ударом топорика по голове, а раба (в Греции) полагалось допрашивать под пыткой, даже если его ни в чем не обвиняют и не подозревают. Совершая подобные действия, палач не испытывал вины или последующего раскаяния, поскольку в сознании отсутствовали альтернативные программы. Он «не догадывался», что врага можно было бы пожалеть, даже если это не сулит видимой выгоды, или что с рабом — «говорящим орудием» — можно «по-человечески» побеседовать. «Это не просто узость, черствость, подобная сословному или национальному высокомерию, известному из недавней истории, а стройная, неумолимо логичная система взглядов, цельная жизненная установка». Она не похожа на раздвоенное сознание христианского аристократа, «который знал, что как христианин он обязан считать всех людей своими братьями, а как дворянин отнюдь не считает братьями ни человека ниже его по социальному статусу, ни инородца, ни иноверца»³⁵.

Главный итог критического опыта, переданного «мировыми религиями» по эстафете от осевой революции к Средневековью, — это возросшая размерность (внутренняя диверсифицированность) смыслового поля. Отсюда ролевые и прочие мотивационные конфликты, которые составили культурно-психологическую предпосылку личностного бытия и, в свою очередь, требовали изошренных технологий манипуляции сознанием.

Между тем манипулятивный потенциал рационального убеждения ограничен. К тому же греческие и даже римские философы так и не смогли полностью освободиться от расово-классового высокомерия, присущего культуре ранних государств. Высоты их рационалистической аргумен-

тации адресованы исключительно социальной и интеллектуальной элите. Все это не позволило античной философии обрести ту широту человеческой солидарности, какую демонстрируют осевые религии Индии, и ограничило их возможное распространение. Когда же на историческую авансцену вышли массы варваров и рабов, не умевших мыслить мир без Отца и Хозяина, диалогические приемы «выяснения истины» и вовсе ушли в тень.

Синтезировать достижения элитарного западного рационализма и демократической восточной мистики, тем самым вооружив общество адекватными манипулятивными технологиями, было суждено христианству и отчасти исламу. Заплатить за это пришлось качественным снижением интеллектуальных стандартов. Рациональная аргументация была низведена до инфантильных эмоций страха и упования на волю Отца. Всеединство же восточной идеологии было дезавуировано при помощи «меча», которым Сын Человеческий, разрубив кровно-клановые узы, тут же рассек людей по признаку веры. Евангелическим указаниям: «Не мир пришел Я принести, но меч»; «Кто не со Мной, тот против Меня» (Матф., 12:30; 12:34) и т.д. — вторит Коран: «А когда вы встретите тех, которые не уверовали, то — удар мечом по шее» (Сура 47,4)³⁶.

Вселенская Бого-Дьявольская контроверза — открытие Заратуштры на заре осевой эпохи — в устах Иисуса, а затем Мани (манихеи) и Мухаммеда стала симптомом того, что первая волна духовного подъема пошла на спад, но за счет этого растекается вширь. Профанированные достижения гуманитарной мысли способствовали расширению масштаба социальной идентификации: племенное размежевание уступало место конфессиональному, жестко делящему людей на своих и чужих, но свободному от родовых ограничений.

А гребни волны остались на горизонте, сохраняя ориентир для будущих поколений. Три «темных века», наступившие с крушением Рима и началом христианской эпохи, сменились маленькими «ренессансами» через каждое столетие, а через тысячу лет пришло время и большого Ренессанса. В некотором смысле это было новое восхождение к

критическому сознанию; восхождение, как и прежде, вынужденное, опосредованное катастрофами...

Примечания

- ¹ См.: Назаретян А.П. Антропология насилия и культура самоорганизации. Очерки по эволюционно-исторической психологии. М., 2007.
- ² Дьяконов И.М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. М., 1994. С. 23, 29.
- ³ Древние цивилизации / Ред. Г.М. Бонгард-Левин. М., 1989. С. 470 – 471.
- ⁴ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 32.
- ⁵ Древние цивилизации. С. 474.
- ⁶ См.: Берзин Э.О. Чему учил Заратуштра // Атеистические чтения. 1985. Вып. 14.
- ⁷ Поэтому, кстати, учение Заратуштры – едва ли не самая древняя предтеча прогрессистской идеологии Нового времени.
- ⁸ Берзин Э.О. Вслед за железной революцией // Знание – сила. 1984. № 8. С. 34.
- ⁹ Хрестоматия по истории Древнего Востока. В 2-х частях. Ч. 2. М., 1980. С. 114.
- ¹⁰ См.: Бируни А.Р. История Индии // Абу Рейхан Бируни. Избр. произв. Т. II. Ташкент, 1963.
- ¹¹ Хрестоматия по истории Древнего Востока. Ч. 2. С. 115.
- ¹² Там же. Ч. 1. С. 64, 70, 212 – 218, 303.
- ¹³ Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве // Конрад Н.И. Избр. труды. Синология. М., 1977. С. 28 – 29.
- ¹⁴ См.: Кессиди Ф.Х. Сократ. СПб., 2001.
- ¹⁵ См.: Назаретян А.П. Антропология насилия и культура самоорганизации. Раздел 2. 4.
- ¹⁶ См.: Ярхо В.Н. Была ли у древних греков совесть? (К изображению человека в античной трагедии) // Античность и современность. М., 1972.
- ¹⁷ Оля Б. Боги Тропической Африки. М., 1976. С. 3 – 4.
- ¹⁸ См.: Венгеров А.Б. Предсказания и пророчества: за и против. Историко-философский очерк. М., 1991.
- ¹⁹ См.: Шкуратов В.А. Историческая психология. Ростов н/Д, 1994.
- ²⁰ Ясперс К. Цит соч. С. 34.
- ²¹ См.: Сагадеев А.В. Гуманизм в классической мусульманской мысли // Общественные науки и современность. 1994. № 4.
- ²² См.: Назаретян А.П. Совесть в пространстве культурно-исторического бытия // Общественные науки и современность. 1994. № 5.
- ²³ Так, у индейцев аше очень жестко дифференцированы гендерные роли - вплоть до того, что женщину за прикосновение к «мужскому» предмету (оружию) убивают, а мужчину за прикосновение к «женскому» предмету (корзине) превращали в женщину (см.: Clastres P. El arco y el cesto // Alcor, 44 – 45. Mayo – agosto. Asuncion, 1967). Если он покорно принимает новую роль, то ста-

новится обычной «женщиной» со всеми вытекающими отсюда последствиями: живет среди женщин (моногамия в племени отсутствует) и выполняет все соответствующие обязанности. Но довелось наблюдать мужчину *аше*, который, будучи превращен в «женщину», всячески демонстрировал неприятие новой роли. Например, носил тяжелую корзину не на голове, как это делают женщины, а на груди, на согнутых в локте руках, вызывая, тем самым, общую ненависть со стороны мужчин, женщин и детей. Здесь не трудно заметить зачатки критического отношения к роли, которое обычно считается недоступным первобытному человеку.

²⁴ История Древнего мира. Упадок древних обществ / Ред. В.Д. Неронова. М., 1989. С. 373.

²⁵ Ясперс К. Цит. соч. С. 48.

²⁶ См.: Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории. Синергетика - психология — прогнозирование. М., 2004; *Его же*. Антропология насилия и культура самоорганизации.

²⁷ Берзин Э.О. Вслед за железной революцией. С. 33.

²⁸ См. там же.

²⁹ Вигасин А.А. Мудрецы Древнего Китая // Древний мир глазами современников и историков. Ч. I. Древний Восток. М., 1994. С. 184.

³⁰ Древние цивилизации. С. 471.

³¹ См.: История древнего мира.

³² Дьяконов И.М. Цит соч. С. 70.

³³ См.: Гаев Г.И. Христианство и «языческая культура» // Атеистические чтения. Вып. 16. 1986.

³⁴ Diamond J. Guns, germs, and steel. The fates of human societies. N-Y., London. 1999. P. 282.

³⁵ Древние цивилизации. С. 470.

³⁶ Сравним это с кришнаитским тезисом: «Какого бы бога человек ни чтил, Я отвечаю на молитву» (цит по: Дьяконов И.М. Цит соч. С. 80). Или с притчей, где Будда наказывает жреца за то, что тот мешает посетителю в холодную погоду развести костер из его (Будды) деревянной статуи и согреться (см.: Психоанализ и религия // Фромм Э. Иметь или быть? М., 1990).